

КОНЦЕПЦИИ И МЕТОДЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Современные концепции политической элиты и российская практика

О.В. КРЫШТАНОВСКАЯ

Когда в кругах обществоведов речь заходит об элите, тут же начинается жаркая дискуссия о сути этого понятия. Но если западные ученые демонстрируют в споре настоящий концептуальный плюрализм, в котором держаться на плаву сможет только профессионал, то в России разговор быстро приобретает контуры идеологической схватки. Среди спорщиков обнаруживаются «левые», которые будут утверждать, что в России элиты нет, а то, что претендует на это высокое звание, считаться таковой никак не может. Их оппонентами станут «правые», уверенные, что элита — это никакие не «лучшие люди», а всего лишь функциональная группа управленцев, которая руководит страной. Найдутся и «центристы», по логике которых элита — это люди, достигшие высот в своей профессии. Они непременно приведут в пример творческую и научную элиту или властителей дум типа А.Н. Сахарова и А.И. Солженицына. Эти споры не смолкают в научных кругах вот уже 15 лет, с тех пор как в нашей стране тема элиты перестала быть закрытой, а отечественная элитология превратилась во вполне развитую теорию среднего уровня. В этой статье я рассматриваю основные тенденции политической стратификации российского общества и делаю попытку представить свое видение концепта «элита».

Введение

Теория элит была основана в конце XIX — начале XX столетия итальянскими социологами В. Парето и Г. Моска, которые были воодушевлены желанием опровергнуть концепцию К. Маркса, построенную на экономическом детерминизме. Маркса упрекали в том, что он не был объективен в научном смысле этого слова и жертвовал логикой в угоду интересам рабочего класса.

Маркс выводил власть из экономического господства, которое для него означало собственность на средства производства. Структура власти представлялась Марксу следующим образом. Существует буржуазия — господствующий класс. Внутри этого класса образуется политическая верхушка, подчиненная этому классу. Конечно, внутри нее, равно как и внутри самого господствующего класса, существуют некоторые противоречия, но классовое единство оказывается силь-

нее этих противоречий, правящая верхушка объединяется, дабы не допустить в свой состав представителей угнетенного класса. Правящая верхушка служит интересам господствующего класса — буржуазии, потому что она рекрутируется из этого класса. Для Маркса тип рекрутации правящей группы целиком определяет то, в чьих интересах она будет принимать решения. В марксистской парадигме концепт *элиты* или не присутствует вообще, или выступает лишь в качестве названия для группы людей, имеющих высшие позиции в политической сфере. Этот термин носит явно вторичный характер. По Марксу, господствующим классом является класс собственников, который и формирует власть. Классовая идентификация тесно связана с наличием или отсутствием экономического капитала.

В *элитистской парадигме* экономическая стратификация вторична, а главный нерв разделения общества находится в сфере политического. Здесь элита — важнейшее понятие, так как именно она является правящим классом общества. Концепт *элиты* играет ту же роль, что у Маркса *класс собственников*. Элитисты, по сути дела, заменили марксову дихотомию «собственники — рабочие» дихотомией «элита — масса» (Г. Моска). В обеих стратификационных парадигмах первые представляют собой меньшинство, владеющее большинством ресурсов, а вторые — большинство, не имеющее почти ничего. Но если у Маркса история представляется в виде перманентной борьбы между классами богатых и бедных, то для элитистов она — бесконечное сражение элит за власть, а человеческое общество проходит циклы взлета и падения правящих групп. Важнейшими категориями для марксистского анализа являются *экономическая гегемония* и *собственность*, а для элитистского — *власть, государство* и *политическое доминирование*.

Зададимся вопросом: а имеет ли смысл спорить о том, какой тип стратификации «правильнее»? И означает ли, что членение общества на классы по их отношению к собственности не допускает существование классов, вычлененных по их отношению к власти? Согласимся, что существует проблема первичности экономического и политического в различные эпохи развития человеческой цивилизации. Возможно, в определенных обществах и в определенные периоды *экономическое* превалирует над *политическим*, как возможно и обратное. Но бесспорным фактом остается то, что обе плоскости общественного бытия существуют всегда и везде и они связаны друг с другом.

Марксовы классы собственников и рабочих вполне адекватны капиталистическому обществу в стадии его становления. Но и классы управляющих и управляемых Парето также имеют право на существование и являются не менее (а на наш взгляд, более) эффективной теоретической конструкцией. Конфликт между классами в марксистском понимании может быть причиной глубинных изменений, революций, меняющих как господствующие отношения собственности, так и самих собственников. Но и конфликт между политическими классами также приводит к серьезным общественным катаклизмам, в результате которых меняются политическое устройство, режим и сами правители. Причем политическое напряжение ощущается в современном мире значительно сильнее, чем напряжение по поводу отношений собственности. Границы между классами собственников в развитых странах теперь, в начале XXI в., более размыты, чем раньше. Это обусловлено и тем, что Бёрнхэм называл «революцией

Современные концепции политической элиты и российская практика

управляющих», и тем, что с развитием фондового рынка собственность стала настолько размытой, что практически каждый житель развитой страны имеет больше или меньше акций предприятий и банков, являясь тем самым совладельцем собственности. Таким образом, вопрос о классовой принадлежности в марксистском смысле в современном мире часто не имеет ответа.

Власть же в постиндустриальных обществах, напротив, стала более очевидной, распознаваемой в связи с развитием политий и ростом легитимности государственных институтов. Про каждого человека можно сказать, занимает он пост в государственной системе или не занимает. Классовая идентификация по политическому признаку имеет четкие показатели и возможность их верификации. Р. Патнэм писал, что «мало какие положения в науке могут быть доказаны столь же строго» [Putnam 1976, p. 8—9].

Политические и экономические общества

История демонстрирует примеры обществ, где экономический фактор и рациональность на протяжении столетий являлись доминирующими. Эти общества часто называют *западными* в отличие от *восточных*, где превалируют политический фактор и патримониализм. Маркс писал об *азиатском* обществе и *азиатском* способе производства. К. Виттфогель посвятил анализу обществ этого типа работу «Восточный деспотизм», в которой он утверждает, что бюрократия в восточных обществах является правящим классом [Wittfogel 1963]. Еще Г.В.Ф. Гегель утверждал, что в России «есть одна масса — крепостная и другая — правящая» [Гегель 1934, с. 320], подчеркивая, тем самым, что для данного общества политическая ось является ключевой. Российский исследователь М. Афанасьев пишет о «властоцентризме», присущем России, который выражается в «зацикленности социума на власти» [Афанасьев 1998, с. 9].

Последнее столетие становление рыночных отношений было в центре общественных изменений, и демократизация признавалась наиболее адекватной формой политического правления, обеспечивающей свободу рынка. Развитие рынка (маркетизация) и развитие демократии (демократизация) были двумя составляющими одного процесса, который получил название *модернизации*. В модернизирующихся обществах западного типа (будем называть их *экономическими обществами*) политические изменения были простимулированы классом собственников — наиболее активной частью общества. Здесь действительно власть формировали те, кто имел капитал. Но в то же время существовали общества другого типа, которые мы будем называть *политическими*. В этих обществах никогда экономические акторы не представляли собой серьезной социальной силы. Главным видом капитала был капитал политический, который не только приносил доход, но и был гарантом богатства. Размер доходов был связан с местом в политической иерархии, которая образовывала политическое пространство, на котором шли активные процессы обмена и торга. Экономическое развитие не только не было самодовлеющим и определяющим политический процесс, но, напротив, детерминировалось политикой. Власть имущие, а не собственники экономического капитала, определяли приоритеты экономического развития. Политика стимулировала экономику, а не наоборот. В отличие

от процесса модернизации в обществах этого типа происходила *стимуляция* экономического политическим. Политические общества отличаются от экономических тем, что в них получение богатства, как правило, следует за получением власти, в то время как в экономических обществах, напротив, приход во власть становится возможен только после получения определенного уровня благосостояния. Главными инструментами на пути к богатству являются ресурсы государства, а не рынка.

Россия, на мой взгляд, представляет собой общество, в котором длительные периоды *политической стимуляции* сменялись относительно короткими периодами *экономической модернизации*. Причем попытки *экономизации*, как правило, заканчивались большой политической реформацией, восстанавливающей «порядок» и усиливающей роль государства. Периоды жестких авторитарных режимов наступали всегда после «экономических периодов», когда государство ослабляло контроль над экономикой и в стране появлялся относительно независимый от власти класс собственников. Так, последствием экономизации конца XIX в. были революции 1905—1907 и 1917 гг., последствием нэпа — сталинский тоталитаризм. Либерализация и становление класса собственников в России вносили хаос в государственное управление, приводили к политическому кризису, вызывали ощущение опасности у правящего класса. Подобно маятнику, Россия, освобождая рынок от государственного контроля, затем спохватывалась, что народившаяся буржуазия станет угрожать целостности государства. Чем дальше заходил процесс экономизации, тем сильнее потом был «термидор», призванный восстановить порядок и государственность.

Классы и слои в политическом обществе

Социальная стратификация фиксирует неравенство, сложившееся в ходе исторического развития, при котором одни группы людей имеют больше ресурсов, чем другие. *Классами* я буду называть большие группы людей, вычлененных по одному макросоциальному критерию. В том случае, если таким критерием выступает отношение собственности, тогда можно говорить об *экономических классах*; если же речь идет о политическом неравенстве, об отношениях по поводу власти, тогда мы имеем дело с *политическими классами*. *Группой* я называю любую общность людей, выделенную по одному или нескольким критериям, а *слоем* (или *стратой*) — такую группу (или часть класса), которая занимает фиксированное место в иерархии. Можно говорить о слоях лишь в том случае, если имеется некий континуум значений переменной, по которой производится стратификация. Например если речь идет об обладании собственностью, то слои образуются по уровню богатства (в англоязычной литературе их обозначают как *«upper class»*, *«upper middle class»*, *«middle class»* и т. п.), а если речь идет об обладании ресурсами власти, можно выделить слои *политического класса*, вышшим из которых и является *элита*.

При политической стратификации общества можно говорить о классе власти имущих, о *политическом классе*, и о классе, не имеющем власти, который в классической элитологии называют *массой*, *народом* или *народным классом*. Иногда эти классы называют *правители* и *управляемые*. Первый класс — правящий —

Современные концепции политической элиты и российская практика

всегда представляет собой меньшинство населения страны, а второй — большинство. Политический класс активен и является субъектом политического процесса. Масса, как правило, пассивна, и ее роль в политике зачастую сводится лишь к участию в выборах. При таком подходе исчезает противоречие между правящим классом и правящей элитой, которое было камнем преткновения при попытках соединить марксистский и элитистский подходы. Правящий класс здесь — не класс собственников, который участвует в формировании власти и правящей элиты. Правящий класс — это и есть политический класс, так как в его руках находится власть.

Итак, политическая стратификация, которая является более адекватной для описания организации обществ типа России, дает нам классовую дихотомию, представленную классом политическим (управляющим) и классом не политическим (управляемым). Однако лишь обозначить этот подход — явно недостаточно для задач дальнейшего анализа. Необходимо определить родовые понятия, какими в данном случае являются государство, власть и ее ресурсы, политика, политическое пространство, политический капитал.

Государство. Власть. Ресурсы власти

Государство — это среда, в которой существует политический класс, это организация политического класса, которая имеет двойственные функции — организовывать жизнь общества и в то же время защищать привилегированное положение политического класса. Э. Гидденс полагает, что «государство существует там, где есть политический аппарат, управляющий определенной территорией, чья власть опирается на законодательную систему и возможность использовать силу для реализации своей политики» [Гидденс 1999, с. 325]. Я придерживаюсь сходной позиции, понимая под государством организацию, созданную для оптимизации управления, наделенную рычагами господства и ресурсами власти. Власть есть функция и прерогатива государства, которое обладает, по выражению М. Вебера, монополией на господство [Weber 1976, p. 125—126; Вебер 1990, с. 645—646].

Для анализа элиты как правящей группы общества наиболее важным аспектом государства является не его деятельность, направленная вовне, деятельность по упорядочению общественной жизни, а «государство-для-себя», которое служит правящему классу гарантом его статуса и привилегий, которое является машиной для осуществления власти. Государство одновременно является и организацией, управляющей обществом, и главным инструментом политического принуждения. Государство включает в себя все наиболее значимые институты политической власти и управления. Поэтому служащие государства представляют главную политическую силу общества. Они и есть политический класс, пронизывающий общество сверху донизу: ведь управленческие уровни государства доходят до самого низа — муниципалитетов.

Одним из наиболее сложных является вопрос границ государства и сущности политической деятельности субъектов, находящихся вне государственной корпорации. Государство стремится полностью присвоить себе функции политической власти и противодействует другим формам власти, имеющим частное

происхождение. Но этому противопоставлено стремление акторов гражданского общества, которое тем заметнее ограничивает объем государства, чем большими ресурсами они располагают. Даже если государство полностью присвоило себе политическую власть, но в обществе сохранились силы, контролирующие большие объемы ресурсов другого рода, они становятся сдерживающим фактором для государства, т. к. эти ресурсы потенциально могут быть конвертированы в политический капитал.

В обществе, где нет частной собственности на средства производства (например, в СССР с 1917 по 1987 гг.), власти государственных акторов не противостояла ни одна другая социальная сила. Экономические классы вовсе не существовали, и все были равны перед отсутствием собственности. Но такое общество в то же время не может считаться и бесклассовым. Напротив, классовое напряжение в нем чрезвычайно велико, но конфликт происходит не между собственниками и рабочими, а между политическими классами. Причина этого напряжения — существующее неравенство между *правлящим* и *народным* классом. При отсутствии экономического противостояния, противостояние политическое становится самодовлеющим. Власть политического класса не ограничивается ничем, поскольку нет иной общественной силы, способной противопоставить свои ресурсы ресурсам элиты. Гражданское общество редуцируется настолько, что ограничивается мельчайшими корпускулами семьи и трудовых коллективов. Вся жизнь смещается в политическое пространство, любые события приобретают политический смысл. Экономика полностью подчиняется политическим задачам правящего класса и становится зоной администрирования.

Государство становится организацией, функции которой расширяются беспредельно. Оно не только регулирует взаимоотношения между общественными институтами, устанавливает правила коммуникации, отвечает за безопасность, но и действует как хозяйствующий субъект. Гражданское общество как зона, свободная от государства, по сути дела перестает существовать, так как в социуме нет места для частной инициативы. Общество, где нет частной собственности и собственников, поглощается государством. Государственное тело разбухает, вбирая все новые и новые зоны для своего контроля. В обществах без частной собственности государство стремится к тоталитарности, что в конце концов ведет к *перегрузке государства* и его кризису.

Государство как организация может иметь несколько центров власти, каждый из которых устроен иерархически. В развитых демократиях эти центры институционализированы и представлены «ветвями власти»: законодательной, исполнительной и судебной. В реальности центров власти может быть больше, что связано как с текущей политической конъюнктурой, так и персональным фактором (яркий влиятельный политик, возглавивший политический институт, может на время своего руководства сделать его центром власти в силу того, что из этого института будут исходить стратегические идеи, или на время ему удастся добиться перераспределения властных полномочий в свою пользу). Государство со множеством центров власти Р. Даль называл *полиархией* [Даль 2000, с. 90]. Существуют и государства с централизованной властью — *монархии*, геометрия которых подобна пирамиде. Здесь единая иерархия пронизывает государственную корпорацию сверху донизу, что, правда, не исключает возникнове-

Современные концепции политической элиты и российская практика

ния латентных центров власти, влияние которых основано не на институтах политической системы, а на неформальных образованиях.

В политических обществах власть отдельных индивидов есть лишь производная от власти государственной корпорации, к которой они принадлежат, а государственные акторы — т. е. индивиды, которые избрали политику своей профессией — всегда обладают властью временно, лишь пока они занимают свои посты. Они обладают властью не потому, что имеют какие-то особые преимущества по сравнению с другими людьми, а потому, что являются частью государственной машины. Государственная система награждает их особыми полномочиями и обеспечивает гарантии господства. Располагая системой мер насилия и ограничения, которые составляют важную часть государственной машины, эти люди способны принудить других делать то, что им кажется правильным или полезным: работать, платить больше налогов, служить в армии и т. д. Но сами государственные акторы лишены средств управления и потому полностью зависят от государственной корпорации. У них нет собственности, кроме политического капитала, который является также атрибутом их статуса, и, следовательно, преходящ. Об опасности попыток приватизировать государство писал еще Гегель: «Стремление превратить власть государства в частную собственность есть не что иное, как путь к распаду государства, к уничтожению его в качестве силы» [Гегель 1978, с. 65]. Каждый политический актор, временно обладая политическим капиталом, стремится стать его собственником, закрепить свою власть. Поэтому имманентным стремлением элиты политического общества является приватизация государства и наследование статуса. Патримониальные государства, о которых писал Вебер, и есть осуществленная модель этого устремления. В тех случаях, когда это невозможно, чиновники пытаются конвертировать свой политический капитал в иные формы капитала.

В политическом пространстве действуют не только государство, но и *партии* (под которыми мы будем обобщенно называть любые организации, ставящие политические цели). Партии, до тех пор, пока они не приобретут парламентского статуса, не являются государственным институтом. В тоталитарных государствах партии создаются государством. Более того, как правило, там имеется лишь одна партия, которая сливается с государством.

В Советском Союзе компартия была одним из институтов государства. После 1991 г. в России начала складываться многопартийная система, в которой реальный политический вес приобретали только парламентские партии. Все те организации, которые создавались в период выборов как избирательные машины одного или нескольких лидеров, не имели влияния в обществе. Число их сторонников было столь незначительно, что не позволяло им быть равноправными партнерами на политическом рынке. В современной России политические партии обретают реальную силу лишь после победы на выборах, когда они становятся частью политической системы. Партии, не сумевшие приобрести парламентский статус, вскоре исчезают с политической арены. Это значит, что политическое пространство *этатизировано* и в нем фактически действует только государство. Конечно, и это есть достижение демократических реформ и большой шаг от тоталитарной системы прошлого. Но необходимо помнить, что все негосударственные акторы или чрезвычайно слабы, или отсутствуют вовсе.

Государство как корпорация

Государство можно анализировать как своеобразную корпорацию. Г. Домхофф описывал государственную организацию как корпорацию, членство в которой так или иначе фиксируется. Он считал одним из важнейших признаков элиты корпоративную принадлежность и индивидуальную позицию в элитной корпорации [Domhoff 1967, p. 325]. *Корпорация* в данном случае — это организация, призванная не только осуществлять вмененные функции, но и способная вбирать капиталы своих создателей и членов. Политическая корпорация создана для решения конкретных задач, и ее коллективный капитал зиждется на инвестициях ее создателей. Создателем политических корпораций является государство, оно инвестирует в них свой капитал и свои ресурсы либо способствует мобилизации капиталов из различных негосударственных источников. Политические корпорации являются лишь производными государства, зависят от его инвестиций и его санкций. Как писал Дж. Гэлбрейт, «корпорация ограждает интересы тех, кто снабжает ее капиталом» [Гэлбрейт 1969, с. 114]. Это вполне относится и к государственной корпорации, которая для политического класса является не только формой организации его деятельности, но и гарантом статуса.

Политические корпорации являются не только крупными организациями для осуществления определенных функций, но часто они распространяют свою деятельность на области, находящиеся вне сферы ее «уставной» деятельности. Корпорациями могут быть министерства, партии, постоянно действующие комитеты и комиссии, администрации, которые имеют юридическую, легализацию. Корпорации могут заниматься разными вопросами, но их объединяет одно — все они работают на государство, подчиняясь его верховной власти и занимаясь свойственными или несвойственными функциями по мере того, какая потребность в этом возникает у государства. У всех государственных корпораций есть одна общая цель — сохранение государства и его элиты.

Стимул действия любой корпорации — получение прибыли, т. е. увеличение своего капитала. Стимул действия *политической корпорации* тот же: она жаждет увеличить свой капитал в политической либо в экономической форме. Капитал увеличивается в случае производства товара и его последующего обмена. Государство на рынке представлено не как единичный субъект, а как множество корпораций, которые могут находиться в состоянии конкуренции друг с другом. Однако конкурентная борьба государственных корпораций друг с другом не обязательно означает полиархическое устройство. Если верховная власть сохраняет свои позиции тотального арбитра и заказчика, даже при наличии организационного плюрализма все же следует говорить о *моноархии*.

Верховная власть в политическом обществе осуществляет контроль над деятельностью и прибылью корпораций. Но верховная власть всегда должна оставлять у себя стратегический ресурс, который позволяет ей возвышаться над всеми другими корпорациями. Этот стратегический ресурс — легитимное насилие и инструменты его осуществления. Армия, правоохранительная система и спецслужбы являются святой святых верховной власти. Пока у нее есть это оружие, она позволяет развиваться другим корпорациям до тех пор, пока они не посягают на то, чтобы приобрести собственные атрибуты власти.

Политика

Умение управлять государством называется политикой, которая является особым видом деятельности по поводу осуществления власти. Политика — это основное занятие политического класса. В то же время политика — это функция государства. Деятельность политических партий, которые находятся вне государства, является политической лишь в том смысле, что ее главной задачей является достижение государственного статуса. Деятельность других негосударственных акторов (например, независимых средств массовой информации или «мозговых команд») может считаться политической лишь постольку, поскольку ее целью является выполнение запросов государства или оказание влияния на государственные институты. Те СМИ, которые имеют государственный статус, надо признать не чем иным, как государственным властным институтом.

Под *политикой* в узком смысле слова мы будем понимать деятельность государственных институтов. Когда политической называют деятельность негосударственных акторов, это означает, что она направлена на получение государственного статуса или оказание влияния на государство. В политических обществах сфера политики не может простираться далеко за пределы государственных институтов. Сфера вне государственной политики является здесь скорее *протополитикой* и включает в себя лишь институты, непосредственно соприкасающиеся с государством. В тоталитарных режимах политическое пространство находится под полным контролем государства.

Политика является прерогативой политического класса, а для его представителей она становится профессией, но профессией особого рода. Как правило, на политическое поприще приходят люди, достигшие определенных высот в своей первой профессии. Политике нельзя научиться, закончив какое-либо учебное заведение. Политика для большинства людей является второй профессией, куда они приходят тогда, когда достигают довольно зрелого возраста. Молодость для политика — это 40 лет, в то время как для других профессий это возраст зрелости. Средний возраст политиков большинства стран мира составляет 50—55 лет. Общества, где политики значительно старше этого возраста, называют геронтократиями. Общества, где политики значительно моложе, как правило, являются революционными или пост-революционными.

Власть и ресурсы власти

Мне близок подход Т. Парсонса, который считает, что власть играет в политике ту же роль, которую в экономике играют деньги. Он полагает, что подобно тому как обладание деньгами дает возможность приобретать различные блага и услуги, так и обладание властью обеспечивает выполнение широкого набора политических обязанностей и функций [Parsons 1986, p. 103—104]. Власть, таким образом, перестает быть атрибутом акторов и становится *ресурсом* систем. Власть производится социальной системой аналогично тому, как богатство производится экономической организацией. Как и деньги, власть не представляет ценности сама по себе. Насилие же является не непременным атрибутом власти, а

лишь ее аспектом, применимым исключительно в случае неповиновения. Н. Луман полагал, что власть, как ограничение пространства выбора, необходима в любом обществе. Она, по выражению Ж. Баландые, есть «средство борьбы с энтропией», которая угрожает беспорядком обществу [Баландые 2001, с. 43]. В такой трактовке власть тождественна политической власти, а система, порождающая властные отношения, суть не что иное, как государство. Как писал М. Ротбард, политическая власть есть прерогатива государства [Ротбард 2003, с. 343].

Субъект властных отношений имеет ресурсы, а тот, кто вынужден подчиняться из-за их отсутствия, является объектом власти. Если у субъектов, вступающих во взаимодействие, равные ресурсы, то взаимоотношения между ними будут обменом, а не осуществлением власти. Рассматривая политическое пространство как специфический рынок, ресурсы власти предстают в нем в виде товара, который оценивается и обменивается. Политические акторы на этом рынке могут увеличить или уменьшить политический капитал, присваивая большие или меньшие ресурсы.

Ресурсы власти могут быть *стимулирующими*, выполняющими функцию награды, и *репрессивными*, угрожающими негативными санкциями в случае нарушения рекомендованных форм поведения. Луман говорит о позитивных и негативных санкциях власти: «Власть покоится на том, что существуют возможности, реализации которых стараются *избежать*. Избежание санкций для *функционирования* власти необходимо» [Луман 2001, с. 40]. В отличие от репрессивных ресурсов, позитивные санкции власти базируются на ожидании определенных действий со стороны лиц, претендующих на получение награды: воздержание от нелояльных высказываний, поддержка начинаний власти, неразглашение планов элиты и т. д. Эти образцы поведения признаются властью не просто лояльными, а конструктивно-лояльными. Они почитаются за доблесть служения государству и приобретают на политическом рынке свою цену. Награда-выдается согласно символической цене доблести — для одних это будет повышение по службе, для других орден или почетное звание, доступ в элитные сообщества, разрешение на привилегированную деятельность или материальное вознаграждение. Инкорпорация в элиту также является наградой, которая сопровождается присвоением первоначального политического капитала. Все разновидности наград являются видами инвестиций, которые элита вкладывает в индивида, группы или организации, повышая их капитализацию на политическом рынке.

Негативные ресурсы власти имеют, как правило, характер угрозы и возможности наказания. Сама угроза может осуществляться редко, и ее целью будет не столько наказание как таковое, сколько демонстрация силы и урок для других, обозначающий красную черту, за которую переступать нельзя. Власть не может всегда оформляться лишь как возможность негативных санкций. Для актуализации власти время от времени необходимо реализовать санкцию, продемонстрировав обществу свое могущество. Но осуществление угрозы имеет отрицательные последствия: оно разрушает отношения с представителями той группы, к которой санкция была предпринята. Происходит раскол группы: одна ее часть гарантируется от репрессий взамен на отказ от нежелательных образцов поведения; другая часть ставится в ситуацию прямой угрозы по прецеденту. Практически всегда власть при этом обращается к правовым процедурам для камуф-

Современные концепции политической элиты и российская практика

лирования своего насилия. Луман метко называет этот процесс «модализацией коммуникативных интеракций» [Там же, с. 42].

Для того чтобы репрессивные ресурсы власти могли быть осуществлены, в государстве создаются контрольные и карательные институты, которые следят за соблюдением установленных норм и в случае необходимости переходят к репрессивным действиям: изолируют провинившегося от общества, лишают его статуса и любого капитала, подвергают остракизму, запрещают деятельность и т. д. Экскорпорация из элиты также является репрессивным ресурсом, которым монополюльно владеет государство.

Властные ресурсы также связаны с функцией, которую призван исполнять тот или иной государственный служащий. В этом ракурсе ресурсы могут быть экономическими (право собирать налоги и контролировать хозяйственную деятельность), военными (право наводить порядок силой), информационными (право на пропаганду и формирование общественного мнения) и т. д. Но особую роль играет ресурс, который возникает благодаря контролю над управленческими сетями. Эту возможность организовывать любой процесс можно назвать *административным ресурсом*. Административный ресурс, в отличие от других ресурсов власти, представляет собой само *право мобилизации* любых других ресурсов и поэтому является самым дефицитным в обществе. Административным ресурсом обладает любая организация, но административный ресурс сильного государства носит абсолютный характер, т. к. его мобилизационная способность несопоставима с возможностями всех других организаций.

Использование ресурсов власти образует *кумулятивное неравенство* (термин Р. Даля [Dahl 1963, p. 34]), т. е. асимметричную ситуацию, при которой контроль над одним из ресурсов общества ведет к контролю над другими видами социальных ресурсов, таких, как богатство, военная мощь, информационная компетентность и т. п. На этом и зиждется могущество политического класса — он имеет власть, что позволяет ему мобилизовать любые силы, капиталы, информационные потоки. За эту способность привлекать все ресурсы государства в тоталитарном обществе О. Шкаратан назвал советский политический класс *этакратией* [Радаев, Шкаратан 1996].

М. Ротбард определяет *собственность* как «исключительный контроль над ресурсами» [Ротбард 2003, с. 280]. В этом смысле политический класс владеет государством, поскольку распоряжается им и его ресурсами. Для оправдания такого положения *этакратии* нужна государственная идеология, которая должна быть внедрена в общественное сознание. Создание идеологием также является функцией и ресурсом власти. Разработка мифов (как государственно утвержденных идеологием, созданных для поддержания государственной стабильности) становится необходимой формой деятельности государства, т. к. для обеспечения управляемости обществом необходимо легитимировать существующее политическое и экономическое неравенство и гарантировать сохранение существующей системы распределения власти, привилегий и собственности. Необходимо постоянно объяснять людям, далеким от политики, что это делается во благо общества. Идеологи — важная часть политического класса — становятся особенно востребованными в тоталитарном государстве, особенно в период его становления.

Политический рынок и капитал

Политическое пространство, исследуемое с позиций отношений обмена властными ресурсами, может быть рассмотрено как рынок, на котором совершаются торги и сделки. Это рынок, субъектами которого являются представители политического класса, обменивающие одни ресурсы на другие. Ресурсы в аккумулярованном и персонифицированном виде представляют собой *политический капитал*. Соглашусь с П. Бурдые, который писал, что «в поле всякая компетентность является не просто технической способностью, а капиталом» [Бурдые 1998], [Поэтика и политика 1999, с. 136], [Бурдые 1994, с. 205], [Бурдые 1993]. Если ресурсы власти являются атрибутом систем, то политический капитал присваивается акторами и становится их личным или групповым свойством. Капитал имеет способность накапливаться не только за счет интеграции ресурсов, но и за счет сложения капиталов разного типа, а также благодаря куммулятивному эффекту, возникающему в процессе закрепления неравенства между политическими игроками. Подобно капиталу в марксистском смысле, политический капитал есть самовоспроизводящаяся стоимость, которая включена в непрерывный процесс кругооборота.

Исследуя власть как вид социальной коммуникации, мы не можем не обратить внимание на то, что отношения между государством в лице его служащих и народом существенно отличаются от отношений между самими представителями политического класса. Политический рынок разделен на два сегмента: назовем их *инсайдерский* и *аутсайдерский*. На рынке первого типа сделки происходят между членами политического класса — т. е. между людьми, обладающими политическим капиталом. Эти люди являются *инсайдерами*, так как находятся внутри государственной организации, а отношения между ними и образуют поле власти. На рынке второго типа отношения развиваются между *инсайдерами* (т. е. теми, кто внутри политики) и *аутсайдерами* (теми, кто вне ее, т. е. «народом» или «массой»). Аутсайдеры хотят от инсайдеров получения ресурсов, которыми те распоряжаются. Взамен они готовы предложить имеющийся в их распоряжении капитал, который чаще всего не имеет политической природы. При этих сделках политический капитал инсайдеров обменивается на другие виды капитала аутсайдеров. Инсайдерский политический рынок не только уже аутсайдерского и он принципиально иной. Ведь именно здесь — внутри государственной машины — производятся ресурсы власти, и именно это пространство является источником их получения для всех тех, кто вне власти. Обмены же на инсайдерском политическом рынке связаны с иерархическим устройством государственных организаций, а также с его функциональной дифференциацией. Инсайдеры могут испытывать дефицит отдельных ресурсов по причине того, что в их юрисдикцию не входит контроль за ними. Или же инсайдер, стремясь увеличить свой политический капитал, нуждается в помощи вышестоящего иерарха, который способен удовлетворить желание своего подчиненного в обмен, предположим, за его преданность.

Аутсайдерский политический рынок

На аутсайдерском политическом рынке сделки осуществляются между властными субъектами и объектами власти. Субъекты власти — инсайдеры — обладают ресурсами, в которых нуждаются аутсайдеры: это могут быть разрешения, лицензии, должности, награды, материальные блага и услуги элитарного качества и т. д. Государственные служащие, наделенные правом награждать или карать, разрешать или не разрешать, давать или брать, контролировать или нет, могут осуществлять свои права, а могут этого не делать. Дефицитные ресурсы, в которых ощущается острая потребность у аутсайдеров, выступают в виде привилегий, социальная цена которых всегда относительна и связана с престижем. Привилегированными являются те ресурсы, которые недоступны для других, которые символизируют особый статус тех, кто ими обладает. Поскольку возможность распоряжаться привилегиями как дефицитными ресурсами появляется после приобретения элитного статуса, позиция в государственной корпорации является стартовым условием накопления политического капитала. Но инкорпорация в политический класс — это не просто занятие должности, это и приобщение к капиталу во всех его формах (в том числе и экономической), аккумулированных в этой должности.

Поэтому одной из целей, которые преследуют протополитические круги, является инкорпорация в политический класс, сопровождающаяся занятием государственной должности. Тот, кто принимает решение об инкорпорации, ожидает, что инкорпорируемый будет как минимум лоялен (т. е. не критичен) к нему лично, а также будет эффективно исполнять свои функции, что повлечет, в свою очередь, увеличение политического капитала инсайдера. Происходит обмен, где инсайдерским ресурсом является должность, а аутсайдерским — лояльность и компетентность. Потребительская стоимость обоих ресурсов в данном случае признается эквивалентной. Любой пример инкорпорации может быть рассмотрен как покупка должности, хотя далеко не всегда аутсайдер платит за нее деньгами.

В период выборов игроки политического рынка ощущают наиболее острый дефицит в голосах избирателей. Эти голоса отчасти уже превращены в политический капитал, которым владеют ведущие партии, имеющие устойчивый пул своих сторонников. Партия может обменять свой капитал, который выражен в голосах избирателей, на государственную должность для своего лидера. Тогда заключается сделка между государственной бюрократией, капитал которой выражен в возможности распоряжаться должностями, и партией. Во время выборов не бюрократическая партия может передать свои голоса бюрократической («партии власти»), за что ее лидер и получает искомую должность. В ходе переговоров может выясниться, что стоимость голосов избирателей оценивается одним из участников торга выше, чем предлагаемая должность, и тогда сделка не удастся. В другом случае такое соглашение покажется взаимовыгодным сторонам торгов и произойдет обмен ресурсами: лидер партии отдаст голоса своих сторонников, а лидер организации, получивший голоса в свою поддержку, отдаст имеющийся в его распоряжении высокий пост. Такие торги проводятся постоянно во время выборов. Так, на президентских выборах 1996 г. в России 15 % голосов сторонников генерала Александра Лебеда стали эквива-

лентом должности секретаря Совета безопасности РФ, предоставленной ему Борисом Ельциным в благодарность за снятие своей кандидатуры. А 8 % голосов сторонников Г. Явлинского в той же избирательной кампании были оценены дешевле, чем пост премьер-министра, на который претендовал лидер «Яблока».

Как видим, и здесь дефицитным ресурсом для инсайдеров являются политическая поддержка и лояльность. Именно это делает возможным существование политического рынка: ведь власть имущие обычно владеют многим, а народ — малым. Сделки были бы невозможны, если бы члены политического класса не нуждались в том, чего не может родиться в недрах государственной организации — массовой поддержки. Политики не могут существовать без сторонников, также как руководитель не существует без подчиненных. Государственная политика не может осуществляться без поддержки со стороны населения страны, иначе цена такой политики непомерно возрастает. Сила любого члена политического класса измеряется числом его сторонников, доверием, которое к нему испытывают вверенные в его управление люди. А существование института выборов делает такую поддержку жизненно необходимой не только для инкорпорации, но и для сохранения статуса.

Можно сказать, что на аутсайдерском политическом рынке основными обмениваемыми *товарами* являются *привилегии*, которыми инсайдеры могут награждать аутсайдеров, и *лояльность*, преданность, послушание и доверие, которыми аутсайдеры могут расплатиться. Конечно, существуют и сделки с участием экономического капитала в виде денег, материальных благ и услуг, которыми обмениваются стороны торгов. Например, аутсайдеры ждут от инсайдеров бюджетных ассигнований в социальную сферу, а инсайдеры от аутсайдеров — уплаты налогов или спонсорства социальных проектов. Возможны и другие типы обменов с предоставлением административного ресурса для обеспечения безопасности, сохранения стабильности, порядка и т. д. Но все же самым дефицитным ресурсом для политического класса является преданность сторонников, что и делает возможным и взаимовыгодным отношения между властью и народом.

Политическая система государства устроена таким образом, что капитал в ней накапливается неравномерно. Есть точки концентрации капитала, которые располагаются в местах, являющихся источником наградных или репрессивных решений власти. Чиновники, контролирующие (имеющие право решающей подписи) выдачу всякого рода разрешений или запускающие механизм репрессивных действий, располагают большим политическим капиталом, чем те, которые занимают должности, не связанные с внешними контактами. В дальнейшем мы будем называть этих чиновников *вето-группами*.

В то же время и в аутсайдерской среде не все акторы активно контактируют с государством. Здесь существуют приграничные зоны, в которых группы находятся в постоянных контактах с политическим классом: это политические партии, крупный бизнес и его лоббисты, правительственные эксперты и т. д. А основная масса населения коммуницирует с политическим классом только на выборах, становясь электоратом. Большинство сделок аутсайдерского рынка рождается именно на этом протополитическом пространстве. Вспомним, что М. Вебер выделял три группы людей по степени их политического участия: политики «по случаю», политики «по совместительству», «профессиональные политики» [Вебер 1994, с. 72]. В нашей концепции первые две веберовские группы и

Современные концепции политической элиты и российская практика

составляют приграничное пространство, которое в дальнейшем мы будем также называть *около-элитными зонами*.

Р. Патнэм выделял пять политических страт: (1) Наверху — индивиды, прямо включенные в политику, те, кто непосредственно принимают решения. Большинство этой страты занимают официальные политические посты. (2) Ниже — «влиятельные» индивиды, оказывающие не прямое или имплицитное влияние. Эта страта может включать высших бюрократов, крупных земельных собственников, промышленников, финансистов, лидеров групп давления, чиновников и неформальных консультантов, а также тех, кто формирует общественное мнение (*«opinion makers»*). (3) Третья страта включает большое число граждан, которые принимают сколько-нибудь активное участие в политике и правлении (члены партий, бюрократы среднего уровня, местные редакторы газет, составители национального законодательства). Эту страту можно назвать «активисты»... (4) Следующая, наиболее многочисленная страта, — это «электорат» (*voters*). Их политическое влияние ограничивается выборами. (5) И, наконец, на самом дне — не голосующая часть населения, политически совершенно пассивная [Putnam 1976, p. 11—12]. Понятно, что когда мы говорим о приграничной политической зоне или о протополитическом пространстве, мы должны включить в него вторую страту Патнэма, которую он называет «влиятельными», и лишь отчасти третью страту «активистов». Политическая стратификация общества демонстрирует композицию аутсайдерского рынка, участие в котором тем выше, чем выше на шкале политического континуума находится та или иная группа.

Инсайдерский политический рынок

Отношения между инсайдерами образуют политический рынок второго типа, который отличается от первого тем, что его участники обмениваются капитализированными политическими ресурсами, а не конвертируют один капитал в другой. Этот рынок отличается однородностью товара, хотя каждый его актер располагает разным его количеством. Здесь обмен политическими ресурсами может носить паритетный характер, а сделки отличаются большей «надежностью» (по выражению Дж. Коулмана), означающей, что «обязательства будут исполнены» [Коулман 2002, с. 127]. Коулман вводит даже понятие «доверительной расписки», понимая ее как обязательство за услугу [Там же]. В случае неисполнения обязательств возникает ситуация внутригруппового конфликта, который разрешается репрессивными действиями по отношению к нарушителю: от уголовного преследования до группового ostracism. Репрессии к должникам-инсайдерам редко приводят к наказаниям общего порядка, которые применяются для аутсайдеров. Наказания «своих» обычно носят характер статусной девальвации той или иной степени вплоть до эскорпации, т. е. изгнания из правящего класса.

Удачные сделки среди инсайдеров предполагают незамедлительный обмен ресурсами, главным из которых считается *карьерный рост*. Это и понятно, ведь ресурсом обладает система, и индивид распоряжается этим ресурсом лишь постольку, поскольку занимает должность, обеспечивающую ему властные функции. Поэтому государственная должность имеет особый смысл для каждого ин-

сайдера, она — гарантия его власти, знак особых полномочий, символ могущества. Для других инсайдеров должность является четким указателем положения в политическом пространстве, ее смысл прочитывается безошибочно. Должность — это код, которым зашифровано место индивида во властной иерархии, его принадлежность к той или иной корпорации, к тому или иному патрону. В то же время аутсайдеры могут интерпретировать статус должности как верно, так и ошибочно, в зависимости от своей осведомленности о статусной иерархии корпорации. Высокоосведомленные аутсайдеры способны расшифровывать код должности, и их понимание внутреннего устройства корпорации может приближаться к верному. Такие аутсайдеры получают статус *экспертов*.

Занимая должность, инсайдер может гарантированно «решать вопросы» (так говорила советская номенклатура), а теряя ее, теряет и большую часть своего политического капитала. Для инсайдера политический капитал неразрывно связан с его должностями — как с теми, что он занимал прежде, так и с нынешним статусом. Ведь совершив определенное движение в политическом пространстве, инсайдер приобретает связи, являющиеся составляющей его политического капитала. Его отношения с другими инсайдерами тем масштабнее, чем дольше он находится во власти и чем обширнее был его опыт. Перемещаясь в политическом пространстве как горизонтально (меняя географию своей службы), так и вертикально (перемещаясь по ступеням служебной иерархии), инсайдер осваивает отношения, правила игры, эзотерические нормы поведения в системе. Растет число его «доверительных расписок» — обязательств, которые он дал, а также тех, что дали ему. Он становится вовлеченным во все большее число сделок. Он опутан паутиной связей и историй политического пространства. Для *homo politicus* в карьере нет прошлого, т. к. оно не превращается в мертвый груз прошедших лет, а постоянно востребуется в новых сделках на инсайдерском рынке. Связи в старой корпорации подчас играют столь же активную роль в его торгах на рынке, как и текущие позиции. Они могут быть актуализированы в любой момент и потому должны быть «живыми», действующими. Именно поэтому межгрупповые, межслоевые контакты в элитной среде интенсивнее, чем в других средах, что и приводит к консолидации и сплоченности группы, о которой говорят все элитологи. Политический человек — это человек с обширными связями в инсайдерском пространстве, которые и являются необходимым условием роста его капитала. Конечно, свойством аккумулировать опыт обладают и другие профессии: слесарь, став бригадиром, затем мастером и, наконец, начальником цеха также использует весь опыт предыдущей работы для лучшего исполнения обязанностей начальника цеха. Но ни в одной другой среде опыт не становится политическим капиталом, дающим власть.

Должность дает инсайдеру базовый, формальный капитал, обеспеченный его функциями. Возникающие в процессе пребывания в политическом поле связи создают возможность самовозрастания капитала. Формальный капитал выдается инсайдеру системой, в то время как *неформальный капитал* приобретает им самим благодаря его компетентности, коммуникативным способностям, интуиции и стечению обстоятельств. Но даже самые выдающиеся способности не дадут индивиду власти, если он лишен базовой государственной должности. Поэтому на инсайдерском рынке самым дефицитным товаром являются *должности*, которые должны быть приобретены. Продавцами должностей на этом

Современные концепции политической элиты и российская практика

рынке являются руководители, набирающие себе подчиненных из числа инсайдеров, вербуящие сторонников в корпоративной среде.

Служебный рост чиновника может выглядеть как дар патрона. Но на самом деле это одна из самых распространенных инсайдерских сделок, в которой участники торгов выставляют должность, с одной стороны, и компетентность и преданность — с другой. Именно эти два товара и здесь являются наиболее востребованными теми, кто стоит в политической иерархии на верхних ступенях. Лояльность — это общее обозначение отношений, необходимых для любого осуществления политических действий. Ведь властные отношения заключаются в способности актора мобилизовать ресурсы на решение цели, что подразумевает наличие сторонников. Никакая мобилизация не может быть осуществлена без сторонников, так как иначе приходилось бы платить за нее слишком высокую цену, что сделало бы ее нерентабельной. Насилие, которое можно было бы использовать для мобилизации, грозит системе чрезмерным напряжением и кризисом. Если силы противодействия постоянны и мощны и политический курс идет вопреки настроениям объектов власти, требуются постоянные затраты на проведение репрессий. Карательные меры, жесткая пропаганда, преследование инакомыслящих, тотальный контроль — это возможные, но дорогие методы решения политических задач. Гораздо легче осуществлять политику, имея сторонников. Следовательно, создание пула сторонников всегда является задачей правящего класса в целом и каждого его члена в частности.

Политические сторонники могут быть пассивными или активными. В первом случае принято говорить о лояльности, т. е. о некритическом отношении, о непротиводействии. Активные сторонники должны не просто *не* высказываться критически, *не* мешать действовать, а позитивно работать на поставленную цель. Преданность — вот высшее проявление лояльности, она включает в себе личное отношение не только к системе, к ее целям, но и к конкретному иерарху. Преданность подразумевает безусловное подчинение и признание авторитета патрона *вне* зависимости от занимаемой им должности и от политической конъюнктуры. Патрон, перемещаясь в политическом пространстве, тянет за собой группу «своих людей», *обойму* — группу сторонников, объединенных вокруг своего лидера. Именно это и является важнейшим ресурсом инсайдеров, делающих карьеру в политическом пространстве (замечу, что термин «обойма» стал широко использоваться в среде партийной номенклатуры еще в сталинское время). Это определяет и неформальную организацию политического класса, его скрытую клановую структуру, где формальный должностной статус всегда дополняется статусом патрона, к обойме которого принадлежит инсайдер. Обойма может иметь организационное оформление (например, когда начальник использует сотрудников своего отдела как *обойму*), а может и не иметь такового. Она, по сути дела, является группой вассалов, служащих сеньору. Обойма перемещается вместе со своим патроном, меняя свою численность, должностные статусы, но неизменно сохраняя ему персональную верность. В отличие от бюрократической субординации, неформальная клановая система не закреплена в должностных статусах входящих в нее индивидов.

Обоймы также необходимы политическим лидерам, как и сторонники в среде аутсайдеров. Только электоральные пулы сторонников важны для той части политического класса, которая связана с выборами, а клановые пулы — для тех,

кто работает в аппарате. Развитие такой системы инсайдерских взаимоотношений в принципе противоречит бюрократическому устройству формальных государственных институтов, но в той или иной мере всегда сосуществует с ним. Вторым важным товаром на инсайдерском рынке является компетентность, которую надеется приобрести патрон взамен продаваемой им должности. Любой руководитель хочет полагаться на своих сотрудников в качестве исполняемых ими функций. Иначе возглавляемая им организация потеряет авторитет и, следовательно, ее политический капитал девальвируется. Качество подчиненных есть элемент политического капитала патрона. Но далеко не всегда бывает так, что компетентность и преданность сходятся в одном работнике. Гораздо чаще руководителям приходится делать выбор между компетентными и преданными сотрудниками. Поэтому организация никогда не состоит лишь из верных сторонников. В ней всегда есть место для функционеров, в лояльности которых патрон будет постоянно сомневаться. Два этих множества — обойма и формальная группа подчиненных — редко совпадают.

Структура политического класса

Итак, в политическом пространстве действуют акторы, которые владеют политическим капиталом и находятся внутри государственной корпорации, являясь ее инсайдерами. Эти акторы и составляют политический класс. В него входят люди, занимающиеся политикой профессионально. Политический класс является *правлящим*, т. к. он занимается управлением и распоряжается ресурсами власти. В англоязычной литературе применяются три термина для обозначения этого класса: «*ruling class*» (правлящий), «*power class*» (властвующий), «*governing class*» (управляющий). В русском языке термины «правлящий» и «управляющий» не тождественны друг другу и имеют различную смысловую нагрузку. Когда говорят о *правлящем* классе, подразумевается, что членам этого класса принадлежит власть. Называя этот класс *управляющим*, подчеркивают, что люди, занимающиеся управлением, не обязательно имеют власть, которая может принадлежать и кому-то другому. Соотношение между понятиями «правлящий» и «управляющий» класс подобно соотношению терминов *собственник* и *менеджер*: первые являются реальными властителями, которые могут, однако, оставаться и за кулисами процесса. Управляющие не являются собственниками и, осуществляя функции управления и контроля, действуют по доверенности собственников.

В экономических обществах политический класс может быть лишь «управляющим», который действует согласно указаниям настоящего правящего класса — собственников. Но в политических обществах, где собственники, независимые от государства, отсутствуют, политический класс и является правящим.

Политический класс неоднороден: внутри себя он имеет группы, различающиеся функциями, характером деятельности, объемом властных полномочий, способами рекрутации и т. д. Его структура зависит от политической системы, действующей в настоящее время, и меняется каждый раз, когда она реформируется. Но в любом государстве политический класс институционализирован, так как связан с должностными статусами, составляющими *матрицу* государственной корпорации. Индивид, становясь членом политического класса, занимает

государственную должность. Это означает для него вступление в класс и накладывает определенный отпечаток на его деятельность. Социальный порядок в государстве понимается самим политическим классом как бесперебойное функционирование системы, где каждый инсайдер занимает свое место и выполняет надлежащую работу. Турен утверждал, что «господствующий класс всегда стремится противопоставить порядок, с которым он себя отождествляет, и отклонение от нормы, в каком-то он обвиняет всех тех, кто ему противостоит» [Турен 1998, с. 75]. Такое отождествление предполагает, что действующий инсайдер сливается со своей должностью, она становится его *alter ego*, и порядок уже не мыслим без нее. Должность — это элементарная частица, ячейка функционирующей матрицы государства. Политический класс институционализирован в системе государственных должностей, которая представляет собой здание, населенное *официалами* (от лат. *officialis*). Я использую этот термин для обозначения индивидов, занимающих должности в государственных властных институтах любого типа и уровня, и буду так называть любое должностное лицо в системе государственной власти, т. е. любого члена политического класса, любого инсайдера.

Официалы состоят из двух основных групп, выделенных по типу их инкорпорации. Первая группа включает лиц, назначаемых на должность (их называют *бюрократией*). Вторую группу составляют те, кто приходит во власть с помощью выборов. Эта группа не однородна и состоит из двух подгрупп: первую я буду называть *электократией*, так как она объединяет тех, кто, победив на выборах, становится во главе иерархической организации, т. е. после выборов становится чиновником. Вторую подгруппу составляют те, кто наполняет легислатуры различных уровней, и поэтому я называю их *легислократией* (от лат. *legislatura* — выборный орган). Иначе говоря, политический класс состоит из бюрократии — назначаемых чиновников, электократии — избираемых чиновников и легислократии — депутатов.

Бюрократия, электократия, легислократия

Феномен бюрократии исследован значительно лучше других явлений, связанных с политическим классом, главным образом благодаря работам М. Вебера [Weber 1978]. Разрабатывая теорию «идеальной» бюрократии, Вебер выделил ее основные признаки: (1) *иерархический* характер, при котором задачи в организации распределяются как служебные обязанности. Бюрократия предстает в виде пирамиды, в которой положение, означающее высшую власть, соответствует вершине. Каждый более высокий слой руководит и контролирует слой, на ступень ниже его в иерархии. (2) *Установленные правила* определяют поведение должностных лиц на всех уровнях организации. (3) Должностные лица заняты *полный рабочий день и получают должностной оклад*. Причем от индивида ожидается, что он будет делать карьеру в организации. (4) Существует разделение между обязанностями должностного лица внутри организации и его жизнью вне ее. (5) Никто из членов организации *не владеет ресурсами*, которыми распоряжается [Ibid.]. Вебер пишет, что чиновник, являясь носителем власти, «никогда не осуществляет ее от своего лица, а всегда от имени безликого "учреждения"» [Вебер 1994, с. 67].

Важнейшим понятием для анализа бюрократии является *компетенция*, которая представляет собой ограниченную область власти конкретного чиновника [Там же]. Власть в иерархической организации диверсифицируется, т. к. верховный правитель не может осуществлять всю власть единолично. Власть делегируется нижестоящим чиновникам, каждый из которых несет ответственность за свою зону. Эта область применения властных функций и есть компетенция. Зоны компетенции разных чиновников должны быть согласованы друг с другом, и иногда образуют сети, которые называют «инстанциями». Для решения определенной проблемы задействуются, как правило, несколько бюрократических этажей и подразделений, что привело к образованию идиомы «пройти по инстанциям». Пересечение компетенции различных ведомств и чиновников рождает конфликты, поэтому для политического класса одним из важнейших условий эффективной деятельности является *разграничение полномочий*.

Есть и другой подход к бюрократии. Так, Д. Кэлхаун полагал, что основной функцией бюрократии является собирание дани со всех других социальных групп, перераспределяя деньги в форме сбора налогов и их дальнейшего использования. Он писал: «При всей своей малочисленности государственные служащие и правительственные чиновники образуют ту часть общества, которая является исключительным получателем собираемых налогов. Все собранные налоговые суммы, за вычетом потерь, достаются им в форме расходов или выплат» [Calhoun 1953, p. 16—17]. Для политического класса налоги являются благом, в то время как для всех остальных — бременем. В этом заключено одно из главных классовых противоречий. Налоги, таким образом, являются одним из важнейших властных ресурсов государства, которым распоряжается политический класс. Именно благодаря тому, что государство имеет этот финансовый ресурс, оно может осуществлять вмешательство в дела своих граждан и, собственно, осуществлять власть в подавляющем большинстве случаев.

Электократия представляет собой часть политического класса, инкорпорация которой происходит при помощи механизма выборов. Победив на выборах, политик занимает государственный пост, и, следовательно, становится должностным лицом, отвечающим, по крайней мере, четырем из пяти вышеперечисленных признаков Вебера: он встраивается в иерархическую государственную организацию, работает по установленным правилам, получает должностной оклад и не владеет ресурсами, которыми распоряжается. Таким образом, *электократа* также можно считать чиновником, но чиновником избранным.

Организации, возглавляемые электократами, состоят из бюрократов, и избранный политик, занявший должность в иерархии, сразу же воспринимается аппаратом как начальник, которому надо служить. Т. е. избранный, заняв после победы на выборах свой пост, превращается в бюрократа для своих подчиненных, оставаясь электократом для прочих властных организаций. Его положение противоречиво: он возглавляет иерархию и подчиняется ее законам, но в то же время не подотчетен ей. Контроль за его деятельностью осуществляют другие организации и отчасти его избиратели. Если деятельность электократа неэффективна или выходит за рамки закона, его невозможно уволить, как это было бы с чиновником. Эскорпорация в данном случае связана с процессом импичмента, который обычно имеет столько осложняющих факторов, что реально мало выполним. Поэтому в крайних случаях государство прибегает к

уголовному преследованию, истинной целью которого является не столько наказание за проступок, сколько лишение статуса. Электократы, возглавляющие иерархии, практически не сменяемы и к тому же часто пользуются юридической неприкосновенностью, что делает их почти неуязвимыми в течение срока полномочий.

Другой тип избранных официалов, которых я называю *легислократами*, представляют те, кто инкорпорирован в систему власти не для того, чтобы занять пост в иерархической организации, а для того, чтобы войти в *легислатуры* (см. рис 1). Легислатуры являются организациями, не имеющими сквозной иерархии — теоретически все депутаты равны, и базовый политический капитал каждого из них составляет один голос. На практике же парламенты, как и любая большая организация, имеют тенденцию к бюрократизации своей деятельности. Изначально равные депутаты объединяются во фракции, комитеты и комиссии, которые, в свою очередь, дробятся на руководителей, их заместителей и подчиненных. Фракционная дисциплина требует консолидированных действий, что подразумевает ограничение свободы выбора для членов групп. Процесс бюрократизации легислатур во многом схож с процессом бюрократизации политических партий, описанным Р. Михельсом.

Между этими частями политического класса — бюрократией, электократией и легислократией — есть существенные различия. Первое различие касается *продолжительности* пребывания в должности. Бюрократы — это «оседлое» население государства, а электократы и легислократы — пришельцы, населяющие государственные институты временно. Политики избираются на срок 4—5 лет, а чиновники могут занимать свои посты сколь угодно долго. В некоторых странах существует пожизненный наем на государственную службу. В Советском Союзе времен застоя многие министры занимали свои посты 20—30 лет. После каждого избирательного цикла возникает конфликт между старым бюрократическим аппаратом и вновь избранными электократами. Бюрократы воспринимают государство как свой дом, куда внедряются «варяги» — новые люди, которые поступают в организацию после выборов. Бюрократы болезненно воспринимают необходимость удовлетворять потребности избранных новичков — предоставлять им помещения, оборудование, а главное — информацию и паутину связей, которая является важнейшим властным ресурсом в инсайдерской среде.

Второе различие связано с *легитимацией* статуса. Легитимация есть признание законности права на полномочия, т. е. узаконение власти. Признание полномочий назначенного чиновника осуществляет его начальник, в то время как полномочия электократа подтверждаются тысячами голосов его избирателей. Легитимность избранных является легитимностью высшего порядка по сравнению с легитимностью бюрократов. Это дает основания первым смотреть на вторых как на подсобных рабочих государства, ощущая свое превосходство. Считая себя «народными избранниками», они уверены, что аппарат должен их обслуживать и не вмешиваться в высокую политику. Электократ подотчетен своим избирателям, а бюрократ — патрону. Поэтому организация больше опирается на бюрократов, судьба которых в ее руках: одного могут повысить, а другого — снять с работы. С электократом этого сделать нельзя: для прекращения его полномочий нужны веские основания, которые необходимо предъявить обществу.

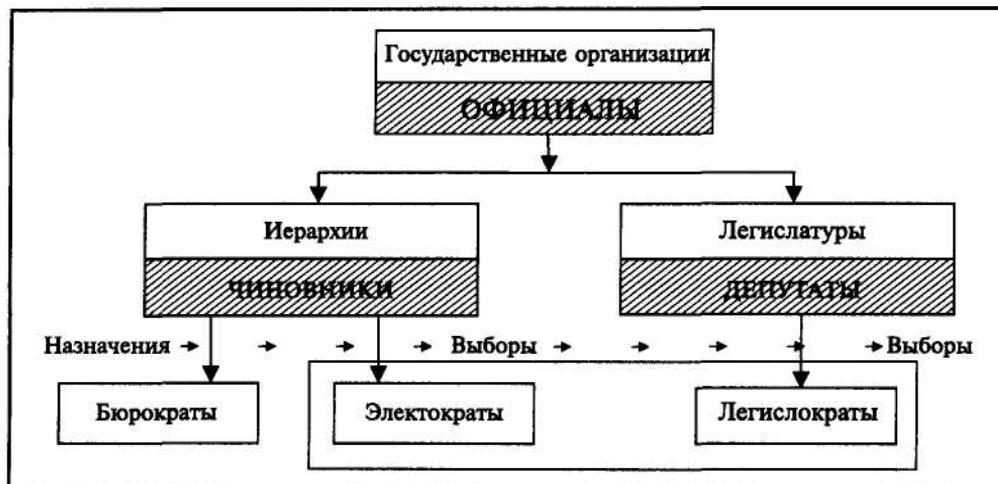

Рис. 1 Структура политического класса

Третье различие заключается в том, что деятельность бюрократа закрыта от общественного контроля и обезличена, в то время как электократы являются публичными политиками. Бюрократы прилагают усилия, чтобы деперсонифицировать политический процесс, в то время как электократы, напротив, всячески стараются его авторизовать. Бюрократы служат организации, а электократы могут не служить никому. Поэтому для бюрократа самое важное для развития карьеры — быть нужным своему патрону, в то время как для электократа — создать свой привлекательный имидж. Электократы воспринимают бюрократов как безликих интриганов и мастеров политического закулисья. А бюрократы обвиняют электократов в нескромности, желании работать на себя и постоянной саморекламе. П. Бурдые метко заметил, что существует «неслучайная структурная общность между аппаратом и определенной категорией людей. Аппарат обычно возносит на пьедестал людей надежных» [Бурдые 1993, с. 257], иначе говоря, коллективистов. Человек яркой индивидуальности, склонный к самовыражению, не может существовать в аппаратной атмосфере без риска задохнуться или потерять свое «я». Напротив, победа на выборах достается ярким личностям, отличным ораторам, обладающим силой убеждения и внешним обаянием. Публичный политик должен обладать качествами, прямо противоположными тем, что востребованы на бюрократическом поприще: политик должен быть ярким, чиновник — неброским; политик должен уметь зажигательно говорить, чиновник — тонко манипулировать; политик работает на собственный имидж, чиновник — на авторитет своего учреждения; политик харизматичен, чиновнику харизматические качества не только не свойственны, но и противопоказаны; политик — индивидуалист, в то время как чиновник обязан быть коллективистом. Поэтому противоречия между бюрократами и легислократами носят еще и психологический характер, что, впрочем, не мешает им сосуществовать в едином политическом пространстве.

Иерархическая структура политического класса

Политический класс имеет еще и вертикальное членение. Раз существует государственная пирамида, то существуют и ее уровни. Н. Луман писал, что «общество оказывается перед необходимостью развивать *субституты для точного сравнения властных уровней* и что эти субституты сами становятся фактором власти» [Луман 2001, с. 20]. Из всех иерархий, как отмечал Ж. Баландые, «иерархия власти является доминирующей в большинстве обществ, а другие иерархии (социально-профессиональные, сословные, этнические, элементарные) соподчинены ей» [Баландые 2001, с. 95—96]. Поскольку политический класс в нашем понимании — это класс государственных служащих, то властный континуум задается иерархией должностей. Эта институциональная оболочка, конечно, не исчерпывает полностью содержание статуса, так как она только подразумевает иные — не формальные — критерии, по которым выстраивается властная пирамида. В реальности же не только должность, но и размер контролируемого политического капитала определяет, к какой политической страте принадлежит тот или иной официал.

Слои образуют вертикальную стратификацию политического класса, которая большинством элитологов ассоциируется с *пирамидой*. Что властная корпорация имеет вид пирамиды, писал еще Х. Лассвелл со своими коллегами [Lasswell, Lerner, Rothwell 1952, p. 12]. Однако сравнение устройства политического класса с пирамидой оправдано лишь в бюрократических государствах, где иерархия пронизывает все сферы политической организации. Такой тип государства можно назвать моноцентрическим. Типичным примером этого является советское государство, в котором политический класс был институционализирован в форме *номенклатуры*.

Номенклатура представляла собой перечень должностей, назначение на которые утверждалось верховной властью. Номенклатура охватывала все скольконибудь значимые должности страны, руководителей всех уровней и сегментов общества. Политический класс был гипертрофирован, т. к. тоталитарное государство вобрало в себя почти весь социум. Политизированным оказалось руководство не только собственно органами управления, но и хозяйственными объектами, организациями науки, искусства и культуры, общественными организациями. Все они управлялись из единого центра — политбюро. В этом смысле весь политический класс представлял собой монолитное образование, расчлененное на четыре основные группы: 1) само политбюро ЦК КПСС, 2) номенклатура политбюро ЦК КПСС, 3) номенклатура секретариата ЦК КПСС, 4) учетно-контрольная номенклатура. Иерархия не имела исключений, охватывала все сферы, все отрасли и территории страны. В зависимости от степени концентрации власти верхний угол пирамиды правящего класса будет более или менее острым. Чем ниже к основанию пирамиды, тем неразличимее становятся границы слоев [Lasswell, Lerner, Rothwell 1952, p. 13]. Л. Шевцова называет это «пирамидальным конституционным каркасом», который может скрывать любую начинку [Шевцова 1998, с. 321].

Сложнее обстоит дело с вертикальной структурой политического класса в полицентрических государствах, к каковым следует отнести западные демократии. Концепцию множественности центров власти выдвинул Р. Даль, который называл этот тип государственного устройства *полиархией*. Даль считал, что толь-

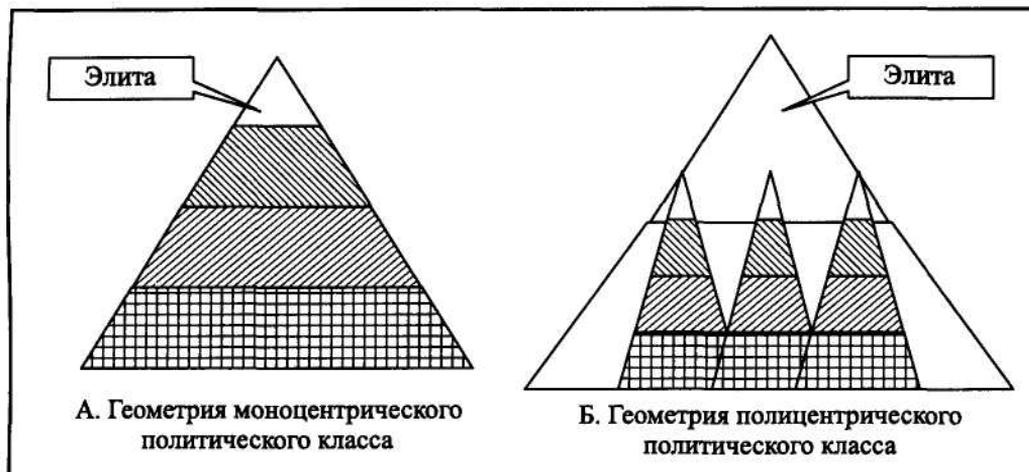

Рис. 2 Иерархическая структура политического класса

ко там, где царит диктатура, власть сконцентрирована в одном центре [Dahl 1963, р. 8]. Принцип разделения властей разрушает тотальную государственную вертикаль, возникает прерывание иерархической субординации. В обществе возникают сектора, не имеющие единого центра управления. Институт частной собственности также способствует диффузии власти, т. к. разрушает монолитную собственность элиты на стратегические ресурсы общества. В полиархичном обществе образуется несколько властных пирамид. Однако и здесь на уровне вершины политической системы происходит конвергенция топ-групп (см. рис. 2). Образуется небольшая группа официалов, оказывающая преобладающее влияние в большинстве секторов социальной жизни.

Но и в том, и в другом случае, образ пирамиды применительно к иерархиям разного рода должен восприниматься как условность. Р. Патнэм предупредил, что образ пирамиды может ввести в заблуждение, так как неверно думать, «что система политической стратификации строго иерархична, подобно армейской. И члены высшей страты не могут решать вопросы членов низшей страты» [Putnam 1976, р. 13]. Реальность, безусловно, богаче и сложнее условных образов. Но главный вывод, который надо сделать, анализируя стратификацию политического класса, заключается в том, что его верхний слой (будь то моноцентрическая модель государства или полицентрическая) и есть *правящая элита*.

Элита — высшая страта политического класса

Я вслед за Х. Лассуэллом считаю, что «политическая элита — это верхушка правящего класса» [Lasswell, Lerner, Rothwell 1952, р. 13]. Моя дефиниция такова: *элита — это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса. Элита стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня. Элита не только правит обществом, но и управляет политическим классом,*

Современные концепции политической элиты и российская практика

а также создает такие формы организации государства, при которых ее позиции являются эксклюзивными. Политический класс формирует элиту и в тоже время является источником ее пополнения.

В таком понимании термин *элита* свободен от ценностных суждений: указанная группа не обладает никакими выдающимися качествами «лучших людей», и к ней не применим тот же подход, который используется при селекции животных, растений или предметов роскоши. Причисляя индивидов к элите, я вовсе не подразумеваю их особых достоинств, как, впрочем, и отсутствие этих достоинств. Будучи ценностно нейтральным, *элита* является понятием, вычлещающим *функциональную группу*, к которой относятся как люди выдающихся способностей, так и вовсе бездарные, как образцы нравственности, так и жулики. Критерии, по которым одни люди относятся к элите, а другие нет, лежат в иной плоскости. Элита — это группа, обладающая максимумом власти. Элита не только формирует и изменяет политическую систему общества, она распоряжается государственной машиной, и в этом смысле является собственником государства.

Элита или элиты?

Об элите говорят в единственном (*элита*) и во множественном числе (*элиты*). Второй подход называют плюралистическим. Плюралисты полагают, что в демократических обществах существуют, как минимум, две элиты — правящая и не правящая, и между ними происходит постоянная конкурентная борьба, исход которой решается путем выборов. Такого мнения придерживался В. Парето, считая, что в «главном классе есть два подкласса»: правящая элита и неправящая [Pareto 1968, p. 248]. Не правящую элиту также называют *контр-элитой*. П. Бахрах считал, что важнейшим признаком демократии являются выборы, на которых электорат выбирает между конкурирующими элитами [Bachrach 1967, p. 7]. Я считаю, что элита — единая правящая группа общества. При таком понимании говорить о «неправящей элите» бессмысленно, поскольку, на мой взгляд, если элита не правит, значит, это не элита. Конечно, в правящей группе могут образовываться противоборствующие группировки, кланы, клики и прочие формальные или неформальные образования. Однако это не может изменить сути концепта элиты, дающего нам возможность понять, как осуществляется управление обществом и политика в целом. Борьба же за власть на выборах происходит не между двумя элитами, а между элитой и активными группами политического класса, стремящимися войти в элиту, или между частями элиты за сохранение своих позиций или их перераспределение.

Употребление термина *элита* во множественном числе происходит также оттого, что *элитами* называют отдельные части, подгруппы элиты, выделенные по иерархическому или отраслевому признаку. Так появились *региональная, военная, политическая, экономическая, культурная* и прочие элиты. Причем эти понятия употребляются в двух смыслах: во-первых, для обозначения реальных суб-элитных групп, а также для обозначения групп, не имеющих к элите, в нашем понимании, никакого отношения. Так, под культурной элитой в первом смысле понимают тех деятелей культуры, которые вошли во властные структуры и контролируют политику государства в области культуры (так, в СССР отобранные писатели и артисты входили в ЦК КПСС). Во втором случае под

культурной элитой понимают верхушку профессиональной группы, выдающихся представителей культуры — певцов, композиторов, художников, артистов. Этот второй подход представляется нам неоправданным, т. к. в его рамках происходит аннигиляция самого концепта. Элита из специфической социальной группы превращается в этом случае в символический ярлык для обозначения лучших по профессии: лучшие слесари образуют «слесарную элиту», лучшие библиотекари — «библиотечную элиту» и т. п. Вспомним «элиту воров» Парето. Смысл рассыпается, распадается на множество корпускул, каждая из которых существует сама по себе. Поэтому я никак не связываю элиту с оценочными категориями «лучший», «выдающийся» и т. п. Как и любая другая социальная группа, она имеет в своем составе людей разных способностей. Эта группа отличается от других вовсе не достоинствами, а *функциями*, которые и наделяют ее особым статусом, властными ресурсами, способностью навязывать свою волю другим. Для нас словосочетание «властвующая элита» является тавтологией, так как элита, по определению, есть правящая группа общества. В рамках моего подхода не имеет ровно никакого значения, каких высот добился тот или иной индивид в своей профессии; для меня важно лишь одно — вошел ли он в структуры власти, стал ли причастен к принятию общегосударственных решений.

Строго говоря, не верно говорить об «элитах» как о группах, между которыми происходит борьба за власть. Эти противоборствующие группы, безусловно, существуют, но являются не «элитами», а различными частями единой правящей элиты — т. е. суб-элитами. Однако для стилистического упрощения и благозвучия я иногда буду опускать приставку «суб», подразумевая всякий раз, что термин *элита*, употребленный с прилагательными или во множественном числе, означает внутриэлитную, а не самостоятельную группу. Так, я буду говорить не «бизнес-суб-элита», а «бизнес-элита», не «топ-суб-элита», а «топ-элита».

Формальная структура элиты. «Элита с прилагательными»

Обычно говорят об *элите*, как о меньшинстве населения, в отличие от большинства, называемого *массой*. Однако не надо воспринимать элиту как малую группу, подобно тем, что становятся объектом изучения социальных психологов. Элита — полноценная социальная группа, которая имеет сложную внутреннюю структуру. В ней можно выделять подгруппы по различным критериям, как формальным, так и неформальным. Формальные суб-элитные группы могут быть *отраслевыми* (политическая, экономическая, военная суб-элиты), *функциональными* (идеологи, силовики, администраторы и пр.), *иерархическими* (суб-элитные слои), *рекрутационными* (назначенцы, избранники).

Отраслевых суб-элитных групп можно выделять столько, сколько требуется детальностью анализа. Так, изучая министров, можно говорить о правительственной (суб-) элите; изучая военных, находящихся на высоких государственных постах, — о военной (суб-) элите и т. д. Группы, вычлененные по разным основаниям, могут пересекаться, накладываясь одна на другую. Так, военный, член правящей элиты, одновременно может относиться как к военной элите, так и к правительственной (если он министр), или к региональной (если он губернатор), или к одной из функциональных групп (поскольку он *силовик*). Словосоче-

Современные концепции политической элиты и российская практика

вание «политическая элита» является тавтологией, поскольку (согласно вышеизложенному подходу) элита не может не быть политической. Однако я буду иногда пользоваться им для обозначения суб-элитной группы, в функции которой входит непосредственное управление политическим процессом, для того чтобы отличить ее от экономической суб-элиты, которая ведает государственной экономической политикой. Ф. Фехер называет эту группу «*собственно политической элитой*» [Feher, Heller., Markus 1984, p. 122].

Элита, в свою очередь, может быть разделена на группы, соответствующие ветвям власти — законодательная, исполнительная и судебная; а также по ее местоположению — федеральная (или центральная) и региональная (или локальная). Экономическая (суб) элита может быть разделена в соответствии с отраслями экономики, которые она курирует: промышленная, аграрная, банковская и т. д.

Функционально элита также подразделяется на множество подгрупп. Здесь можно обнаружить *администраторов*, которые координируют деятельность разных государственных органов и совершают документооборот; *идеологов*, включая разработчиков стратегических программ, пропагандистов и агитаторов; *налоговиков*, собирающих налоги; *разрешителей*, в функции которых входит выдача разрешений и лицензий разного рода; *силовиков*, кто имеет в своих руках инструменты силового воздействия на непокорных; *законодателей*, принимающих законы, постановления и указы; *международников*, которые осуществляют представительство интересов национального государства на межгосударственном уровне и т. п. В разные периоды важнейшую роль в обществе играют разные суб-элитные группы. Х. Лассуэлл считал, что при становлении режима главенствующую роль играют идеологи, которые должны убедить население следовать за вождями. Вслед за этим наступает период, когда «власть передается от специалистов по убеждению к специалистам по принуждению» [Lasswell, Lerner, Rothwell 1952, p. 15]. В первый период возрастает роль спикеров, писателей, журналистов, групп давления, парламентских дебатов, философии, общественных наук. Во второй период на авансцену выходят «специалисты по принуждению»: возрастает роль вооруженных сил, полиции, спецслужб, их связи с партиями.

Вето-группы

Термин «*вето-группы*» был введен американским политологом Д. Рисменом в книге «Одинокая толпа» [Riesman 1953], посвященной анализу современной ему американской элиты. Рисмен полагал, что никакой единой унифицированной элиты нет, а есть «группы интересов», одни из которых могут принимать политические решения, а другие — только влиять. Первый тип «групп интересов» он называл «вето-группами» [Ibid, p. 257—258].

В моем подходе *вето-группы* понимаются иначе — как внутриэлитные образования, в функции которых входит принятие решений по поводу разрешения или запрета какого-либо действия. Понятно, что не вся элита в одинаковой мере задействована в вето-процессе, а только та ее часть, которая имеет право подписи на разрешительных или запретительных документах. Эта функциональная группа элиты постоянно, в силу своих обязанностей, контактирует с акторами внешнего для элиты мира, которые обращаются к элите за разрешениями.

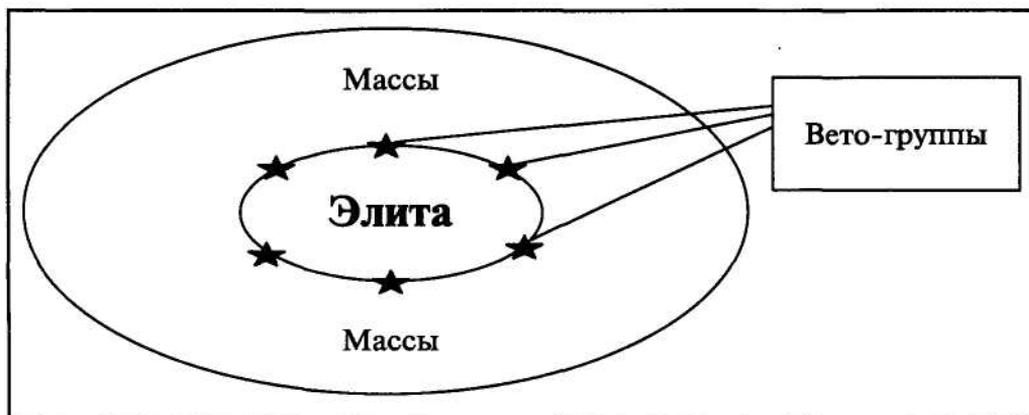

Рис. 3 Вето-группы в политическом пространстве

Чиновники, входящие в вето-группы, в наибольшей степени подвержены *коррупции*, так как занимают «доходные места», где аутсайдеры (а иногда и инсайдеры), заинтересованные в положительном решении их вопроса, настойчиво предлагают вознаграждение за разрешительную подпись.

Топ-элита

Особой общностью внутри правящей элиты является небольшая сплоченная группа *официалов*, стоящих на самом верху властной пирамиды. Эту группу Т. Заславская называет «верхним (суб-элитным) слоем» [Заславская 2002, с. 459], а М. Бёрд использует термин «верхушечная элита» (*apex elite*) [Beard 1938, p. 20], Л. Шевцова говорит о «суперэлите» [Шевцова 1998, с. 329], М. Дюверже, анализируя элитарную верхушку партийных структур, называет «внутренним кругом» ту часть элиты, которая отличается олигархичностью и замкнутостью [Дюверже 2002, с. 205-206].

Я буду называть эту группу *топ-элитой* или высшим руководством страны. Эта группа насчитывает, как правило, 20—30 человек в каждой стране и является самой закрытой, сплоченной и труднодоступной для исследований. Находясь на вершине пирамиды, она ограничивает свои связи с внешним миром, чтобы оградить себя от лавинообразных информационных потоков, а также из безопасности. Чем острее угол политической пирамиды, чем больше концентрация власти, тем более закрытой является *топ-элита*.

К ней вполне применимо понятие *карцерной группы* — т. е. группы, постоянно живущей в изоляции. Хотя, в отличие от всех других карцерных групп, изоляция *топ-элиты* является добровольной. Термин «карцерная группа» впервые был применен И. Гоффманом, который изучал индивидов, долгое время пребывающих в отрыве от внешнего мира [Goffman 1961, p. 283]. Тюрьмы, клиники для душевнобольных и другие карцерные системы коренным образом отличаются от других организаций своим полностью закрытым характером. Закрытый образ жизни вносит свои особенности в менталитет карцерной группы: из-за постоянного взаимного контроля у ее членов возникает культ *privacy* (личной жизни, скрытой от посторонних глаз), и психологическая дистанция между ее

Современные концепции политической элиты и российская практика

членами увеличивается. Из-за ограничения информации, поступающей из внешнего мира, их мировосприятие претерпевает изменения и перестает быть адекватным. В *элитных карцерных группах* царит атмосфера напряжения, связанная с необходимостью постоянно помнить о мерах безопасности, о потенциальной угрозе их жизни и статусу. Часто это вызывает повышенную тревожность и мнительность, которая тем выше, чем более закрытой является группа. Конечно, *топ-элита* не так отрезана от внешнего мира, как заключенный в одиночной камере. Но все же доступ к ее членам жестко ограничен установленным числом обслуживающих ее людей. Общение «на равных» также ограничено соратниками и членами топ-элит других государств. Атмосфера на вершинах, где обитают высшие руководители государств, разряжена, и чем дольше на этой вершине пребывает политик, тем большее воздействие на его личность оказывает власть. Степень инкарцерации является величиной, прямо пропорциональной как времени пребывания в «элитной резервации», так и высоте элитного статуса. Подобно тому, как молодые люди, входящие в жизнь, проходят этап социализации, жители политического олимпа десоциализуются, утрачивая множественные и стихийные социальные связи с миром «простых людей».

Об инкарцерации советской номенклатуры в свое время метко писал М. Восленский: «Начиная с определенного уровня номенклатурные чины живут как бы вовсе не в СССР, а в некоей спецстране. Рядовые советские граждане отгорожены от этой спецстраны так же тщательно, как и от любой другой заграницы. Номенклатурное семейство в СССР может пройти весь жизненный путь — от родильного дома до могилы: работать, развлекаться, учиться и лечиться, не соприкасаясь с советским народом, на службе которого якобы находится номенклатура» [Восленский 1991, с. 317—318].

Изоляция высшего руководства усиливается в тоталитарно-бюрократических обществах, подобных советскому, где верховный правитель вынужден ограждать себя не только от рядовых членов политического класса, но и от своих товарищей по политбюро. Отсутствие легитимного механизма перехода власти в обществах такого типа приводит к тому, что для верховного правителя опасными соперниками становятся все члены *топ-элиты* как возможные узурпаторы власти, которую генсек желал бы (но не может) длить вечно. Особо опасными для правителя являются такие члены его команды, которые моложе его и пользуются популярностью среди элиты. Если к тому же потенциальный соперник еще и контролирует силовые ведомства, он становится внутренним врагом номер один правителя. Поскольку подозрения в возможном преемничестве возникают у главы тоталитарного государства попеременно то в отношении одного коллеги, то в отношении другого, создается атмосфера общей подозрительности. Формируется негласная «презумпция виновности» всякого члена высшей иерархии, являющегося потенциальным соперником лидера. Это еще более увеличивает дистанцию между членами топ-элиты, усугубляя царящее на вершине напряжение (Об этом подробнее см.: [Крытановская, Радзиховский 1993, с. 94—101]).

Неформальная структура элиты

Кроме групп, выделенных внутри элиты по формальным критериям, связанным с должностью, можно провести классификацию по неформальным критериям,

которые связаны с внутригрупповыми отношениями и ролями. *Кланы, клики, стратегические группы и группы давления, внутренние партии, обоймы* образуют неформальную структуру элиты. В идеальном бюрократическом государстве такого рода связи не должны существовать, так как они мешают эффективной и безличной работе функционеров-бюрократов. Вебер рассматривал патримониальное государство как противоположное бюрократическому [Weber 1976, p. 133]. Если первое строит свои внутренние связи на основе рациональности функционирования, то второе зиждется на клиентистских отношениях, отношениях личной преданности, которые становятся доминирующими. Между двумя полюсами идеальных типов государств находятся реальные государства, в которых в той или иной степени присутствуют отношения патрон — клиент.

Вся система неформальных политических связей образует *клиентелу*. М. Афанасьев определял клиентелу как форму «социальной — персональной или коллективной — зависимости, происходящей из неравномерного распределения ресурсов власти» [Афанасьев 1994, с. 121]. Дж. Виллертон писал, что даже самое развитое бюрократическое государство не может избежать патронажа при рекрутации и мобильности элитных кадров [Willerton 1992, p. 5].

Клиентелизм изнутри разрушает бюрократический механизм управления, так как вводит дополнительный фактор мотивации для членов элиты. Политические связи и «доверительные расписки» образуют иную совокупность связей между членами группы, формируя группы интересов и группы давления, происхождение которых никак не может быть объяснено функциональными обязанностями *официалов*. Клиентелистская модель политической группы объясняет поведение инсайдеров политической системы и наполняет само содержание власти дополнительным объемом. Поскольку клиент и патрон *a priori* находятся на разных уровнях иерархии, тесная связь между одним патроном и множеством его клиентов усиливает асимметрию неравенства, создает мини-пирамиды, не вписанные в геометрию формальной организации. Такие мини-пирамиды в лексиконе советской элиты и получили название *обойм*.

Обоймы

Границы *обоймы* проходят вне силовых линий бюрократической субординации, и их образование приводит в действие механизм саморазрушения организации, построенной на рациональных правилах. Сосуществуя, *обоймы* и формальные иерархические группы постоянно борются между собой, т. к. сами принципы их функционирования и целеполагания несовместимы. Клиентелистские связи, не являясь легальными, а тем более легитимными, иногда становятся важным механизмом существования целого политического режима. Так было с советской властью, в которой патронаж, связи и протекции играли не меньшую роль, чем действующие законы и постановления (Этому посвящена монография: [Willerton 1992]).

В интервью, которое мне дал бывший кандидат в члены политбюро ЦК КПСС 1988—1990 гг. Г.П. Разумовский, он сказал, что статус официала в системе номенклатуры определяла формула «*должность* плюс *личность*» [Разумовский 2001]. Сильная личность с могущественными и обширными связями приобретала подчас статус, значительно превышающий тот, который подразумевала его

Современные концепции политической элиты и российская практика

должность. И наоборот, слабая личность как бы принижала должность, делая ее в глазах других инсайдеров менее значимой. Этот личностный аспект, постоянная персонификация политического процесса даже в иерархических корпорациях создавали эффект «двойного дна»: внешне бюрократическая организация была наполнена латентными образованиями, создающими «возмущения» в процессе рационального принятия решений. Это и было одной из причин существования в СССР не только «второй экономики», но и «второй политики» (термин Дж. Виллертон [Willerton 1992, p. 10]). Из-за широко распространенной практики патронажа, советская политическая система может быть признана одновременно и бюрократической, и патримониальной, что и делает ее столь сложной для научного исследования.

Кланы

Кланы складываются вокруг влиятельного лидера и способствуют тому, что руководящие посты монополизуются этой неформальной группой элиты. К кланам вполне применимо гиденсовское понятие «*групп взаимопомощи*», которые отличаются неиерархической структурой, отсутствием фиксированных должностей, непостоянным членством, наличием некоторых моральных принципов и общих интересов, связывающих группу [Гидденс 1999, с. 284—285]. Они совместно участвуют в разработке проектов, накапливают информацию и полезные контакты. Такие клановые группы взаимопомощи создаются вопреки бюрократической разобщенности различных институтов власти и являются, по сути дела, межинституциональными неформальными общностями, существующими параллельно с формальными иерархизированными группами.

В российской политической практике 1990-х годов клиентелизм получил мощное развитие в связи с тем, что иерархические оболочки были ослаблены постоянными преобразованиями. Клиентелизм вышел наружу и обнаружил себя в такой яркой и недвусмысленной форме, что его приоритет над рациональной бюрократией стал очевиден. Новая российская элита стала стремительно возвращаться к патримониальным устоям политий прошлого. Но в отличие от номенклатурных обоем с их геометрией мини-пирамид, встроенных в большие пирамиды политических иерархий, российский клиентелизм приобрел иные формы. Возникшие множественные центры власти раскололи элиту на кланы, которые были устроены по типу слоеного пирога: верхний слой такого «пирога» представлен публичным политиком, являющимся символом клана. Второй слой — группа его политической поддержки. Третий — группа экономической поддержки, представленная финансово-промышленным капиталом. Далее — обслуживающие интересы данной группы средства массовой информации. И, наконец — частные армии и спецслужбы — приватизированные (юридически или фактически) части государственных силовых структур (см. рис. 4).

В отличие от обоем, кланы функционируют вне рамок какой-либо одной властной корпорации, пронизывая многие структуры. Клан формируется вокруг одного или нескольких политических деятелей, вербует сторонников, разрастается, стремясь к покрытию всего политического поля. Чем больше членов клана работают в разных иерархиях, тем больше его капитализация.

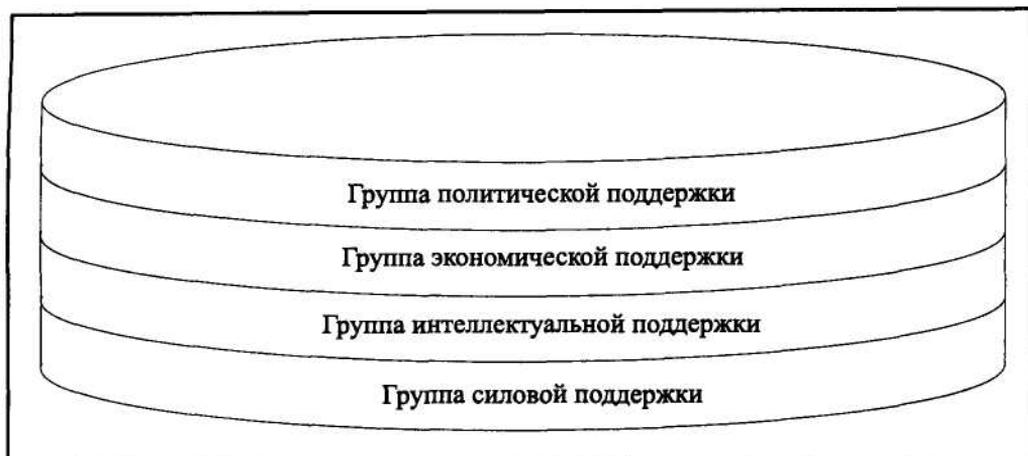

Рис. 4 Структура политического клана

В России начала 1990-х годов одним из самых могущественных был клан А. Чубайса, политика, занимающего в разные годы высшие государственные должности от вице-преьера правительства до руководителя президентской администрации. Начало «команды Чубайса» положила так называемая Санкт-Петербургская группа, состоявшая из самого А. Чубайса и его земляков С. Беляева и Д. Васильева. Эта группа начала формироваться в Госкомимуществе (ГКИ) — ключевом ведомстве начала 1990-х годов, ведающем приватизацией. После отставки Чубайса с поста руководителя ГКИ началось преобразование петербургской группы в элитный клан, который вбирал в себя новых коллег Чубайса по работе в избирательном штабе Б. Ельцина на выборах 1996 г., в правительстве, где Чубайс занял пост первого вице-преьера, и администрации президента, которую он возглавлял с 1996 по 1997 гг. По мере своего карьерного перемещения Чубайс использовал малейшую возможность для того, чтобы перевести в подведомственную ему структуру как можно больше своих людей. Круг «своих» людей расширялся. Нынешний президент В. Путин в тот период также был членом «клана Чубайса», занимая различные посты в администрации президента. Чубайс обзавелся дружескими контактами и среди финансовой олигархии, которая именно ему обязана назначениями на государственные посты В. Потанина и Б. Березовского. Чубайс имел поддержку высших политических кругов США, которые способствовали развитию карьеры членов его команды. Так за несколько лет небольшая группа молодых и образованных реформаторов во главе со своим лидером А. Чубайсом превратилась в наиболее могущественный элитный клан страны.

Стратегические группы

Впервые термин *стратегическая элита* был введен С. Келлер, которая предложила так называть профессиональных политиков, «чьи суждения, решения и действия имеют важные и определяющие последствия для многих членов общества» [Keller 1969, p. 21]. Р. Патнэм причислял к стратегической элите высших

гражданских чиновников; директоров важнейших промышленных предприятий; лидеров массовых организаций; высших военных чинов; ведущих профессионалов [Putnam 1976, p. 14]. Мой подход несколько иной: под *стратегической элитой* я понимаю одну из неформальных суб-элитных групп, которая берет на себя функции стратегического планирования и проектирования. Эта группа является мозговым центром, источником новых идей, принципиальных сценариев развития. Ее, как правило, составляют инсайдеры, занимающие высокие государственные позиции, хотя главным условием вхождения в эту группу является не столько статус, сколько интеллектуальный потенциал и способность генерировать новые подходы. Таких стратегических групп внутри элиты может быть несколько, и каждая специализируется на определенном круге вопросов.

В России 1990-х годов стратегическая группа находилась в зоне экономической политики: ее составляли высокопоставленные чиновники — экономисты по образованию, такие как Е. Гайдар, А. Чубайс, Е. Ясин, А. Кох и др. При В. Путине стратегический центр перемещается из сферы экономики в сферу безопасности, что непосредственно связано с предыдущим опытом работы президента. Приоритетными сферами политики становятся военная реформа, международное положение России, участие в антитеррористической коалиции и вопросы безопасности. Стратегический центр теперь составляют министры-силовики и бывшие офицеры спецслужб, находящиеся в ближайшем окружении президента Путина.

Характеристики элиты

Джеймс Мэйзел в своей книге «Миф правящего класса», исследуя характеристики элиты, вывел знаменитую формулу «трех С»: «*Conscience — Cohesion — Conspiracy*» (Сознание — Сплоченность — Сговор) [Meisel 1958, p. 4]. Эта формула содержит, в себе утверждение, что элита суть социальная группа, насквозь пронизанная неформальными патрон-клиентскими отношениями, которой имманентно присущи такие черты, как групповое сознание, замкнутость, сплоченность и автономия от других страт общества. По Мэйзелу, элита — внутренне гомогенная, сплоченная группа, обладающая самосознанием, которая вовсе не является объединением изолированных индивидов. Принадлежность к элите больше похожа на членство в эксклюзивном клубе, чем на формальную идентификацию себя с абстрактным классом. Каждый в элите знает каждого, его бэкграунд, степень лояльности и интересы. Элита объединена сговором и тайной «круговой порукой». Элита — самосохраняющийся (а иногда и самовоспроизводящийся), эксклюзивный, замкнутый сегмент общества. Власть в ней репрезентируется богатством и престижем.

Сплоченность

Сплоченность, на мой взгляд, является ключевой характеристикой элиты, которая вытекает из логики ее существования. Элита, будучи группой, конституирующей социальное неравенство и пользующейся его плодами, заинтересована в неравном распределении ресурсов. Власть, являющаяся функцией элиты, не смо-

жет быть осуществлена, если у одних будет столько же ресурсов, сколько у других. Контроль над большинством ресурсов является необходимым условием существования как самой власти, так и группы власть имущих. Поэтому сущностной чертой элиты, выражением ее внутренней природы становится *охрана неравенства*, что и делает ее группой, отгороженной от масс, с вождением взирающих на привилегии элиты. Индивид, инкорпорируясь в элиту, мгновенно наделяется политическим капиталом, который он наращивает на протяжении своей карьеры. Получив контроль над ресурсами при инкорпорации, он становится по другую сторону неравенства, приобретает привилегированное положение, с которым уже не хочет расстаться. Он узнает «тайну» элиты, заключающуюся в том, что она, провозглашая лозунги о социальной справедливости и равенстве, по сути, является группой, которая может существовать исключительно в условиях неравенства. Элита оказывается в опасном окружении людей, которые стремятся к равенству распределения общественных ресурсов. Эти люди являются классовыми врагами элиты, и от них требуется защита. И такая защита возводится в виде законов или иных правил игры, выражающих интересы элиты; в виде системы санкций для нарушителей принятых установлений. Оборона своих позиций и является тем обстоятельством, которое вызывает к жизни внутригрупповую сплоченность. Подобно тому, как консолидируются угнетаемые группы, элита испытывает ту же потребность к сплочению для противодействия давлению масс. Однако такое единение против угроз внешнего мира не делает элиту абсолютно монолитной группой. Ее внутригрупповые интересы подчас приобретают такую остроту, что становятся предметом общественного внимания. Поэтому, когда мы говорим о сплоченности как об одной из ключевых характеристик элиты, мы имеем в виду лишь то, что значения этого показателя здесь гораздо выше, нежели у других групп общества.

Групповое самосознание

Консолидация на основе защиты своего привилегированного положения способствует возникновению *группового самосознания*. В отличие от ментальности других социальных групп, элитное сознание характеризуется большей мерой идентификации. Понятие «номенклатура» было ключевым словом для идентификации членов политического класса в СССР и означало наличие некоей ментальной, а не только институциональной общности. Эта ментальная общность формировалась на разных уровнях осмысления групповых интересов, и далеко не всегда означала простую идентификацию себя с классом, группой, стратой или статусом. Сознание элиты подразумевало некий *эзотерический дискурс* — скрытые от сторонних наблюдателей коммуникативные коды, играющие роль паролей для распознавания «своих». Но не только язык кодировал смыслы, вся совокупность коммуникаций в элитной сфере была зашифрована. Правила игры, нигде не прописанные и не зафиксированные, представлялись ребусом непосвященным, но были ясны и прозрачны для инсайдеров.

Эзотерические нормы регулировали все без исключения сферы деятельности элиты и обнаруживали себя лишь тогда, когда кто-либо осмеливался нарушать их. Карцерный характер элиты как социальной группы приводил к тому, что новичок, оказавшийся внутри системы, чувствовал себя словно в «Замке»

Современные концепции политической элиты и российская практика

Кафки и должен был сам расшифровать скрытые смыслы, сам понять неписанные правила. Он оставался в группе, если ему это сделать удавалось, или выбывал из нее, если его интуиции было недостаточно, чтобы читать между строк.

Назначение на должность или избрание были лишь первой ступенью капитализации инсайдера. Его дальнейший путь полностью зависел от элитной социализации (*инкарцерации*), которая была второй в его жизни важнейшей попыткой адаптации к новой среде.

Связи

Фактор сплоченности усиливается небольшим размером группы, что неизбежно приводит к возникновению множественных неформальных связей, личных отношений между членами группы, где каждый знает каждого. Неформальные связи возникают из-за включения в активные процессы обмена ресурсами и принимают вид накопления «доверительных расписок». Поскольку действующий в элитной среде инсайдерский политический рынок требует постоянной интенсификации коммуникаций, размывается граница между служебной деятельностью и частной жизнью. В отличие от веберовских идеальных бюрократов, представляющих собой «общество с ограниченной ответственностью», элита функционирует в режиме «ненормированного рабочего дня». Ее право на *privacy* растворяется в необходимости постоянно быть на связи с другими членами элиты для того, чтобы исполнить неожиданный приказ или удовлетворить просьбу своего коллеги, должником которого он является. Тягость такого положения вызвала к жизни специальные меры по ограничению доступа к высокопоставленным лицам.

«Общество с безграничной ответственностью», которым является элита, стало одновременно и самым коммуникабельным, и самым закрытым. Причем интенсивность коммуникаций обратно пропорциональна статусу: чем более узким и специализированным ресурсом располагает тот или иной член элиты, тем большие связи нужны ему для осуществления накопления капитала и своего статусного роста. Исполнение его «доверительных расписок» означает развитие такой сети инсайдерских связей, которая позволит ему совершать требуемые обменные операции. Чем более высокий ранг у инсайдера, чем более универсальными ресурсами он располагает, тем в меньших связях он нуждается, так как не испытывает потребность в обмене. Напротив, в его услугах нуждаются другие. Следовательно, низшие страты элиты стремятся к развитию коммуникативной сети, а высшие страты — к ее ограничению. Иными словами, специализированные ресурсы власти рождают коммуникативность, а универсальные — замкнутость. *Карцерная топ-элита* вообще перестает испытывать необходимость в расширении связей и становится самой труднодоступной группой общества.

Таким образом, важнейшими характеристиками элиты как социальной группы надо считать сплоченность, осознание своих групповых интересов, развитую сеть неформальных коммуникаций, наличие эзотерических норм поведения и кодового языка, а также отсутствие четкой грани, разделяющей служебную деятельность и частную жизнь.

Литература

- Афанасьев М.* От вольных орд до ханской ставки // Pro et Contra. 1998. Т. 3. № 3.
- Афанасьев М.Н.* Клиентелла в России вчера и сегодня // Полис. 1994. № 1.
- Баландье Ж.* Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001.
- Бурдые П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // М.: Socio-Logos, М.: 1998.
- Бурдые П.* Начала. Choses dites. М., 1994.
- Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вебер М.* Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
- Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия совм. с МП «Октябрь», 1991.
- Гегель Г.В.Ф.* Политические произведения. М.: Наука, 1978.
- Гегель Г.В.Ф.* Сочинения. Т. 7. М., 1934.
- Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
- Даль Р.* О демократии / Пер. с англ. А.С. Богдановского / Под ред. О.А. Алякринского. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический проект, 2002.
- Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2002. №3.
- Крыштановская О.В., Радзиховский Л.А.* Каркас власти: опыт политологического исследования // Вестник Российской Академии наук. Т. 63. № 2. Февраль 1993.
- Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Праксис, 2001.
- Поэтика и политика. М., 1999. С. 136; Бурдые???
- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Разумовский Г.П.* Интервью в рамках исследования сектора изучения элиты Института социологии РАН «Трансформация Российской элиты», 31.10.2001 г.
- Ротбард М.* Власть и рынок: Государство и экономика / Пер. с англ. Б.С. Пинскера / Под ред. Г. Сапова. Челябинск: Социум, 2003.
- Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
- Шевцова Л.* Россия: логика политических перемен // Россия политическая / Под общ. ред. Л. Шевцовой. М.: Московский центр Карнеги, 1998.
- Bachrach P.* The Theory of Democratic Elitism; A Critique. Boston: Little, Brown, 1967.
- Beard M.* A History of the Business Man. N.Y.: Macmillan, 1938.
- Calhoun J.C.* A Disquisition on Government. N.Y.: Liberal Arts Press, 1953.
- Dahl R.* Modern Political Analysis. New Haven, 1963.
- Domhoff G. W.* Who Rules America? New Jersey: Prentice-Hall, 1967.
- Feher E, Heller A., Markus G.* Dictatorship over Needs: an Analysis of Soviet Societies. Oxford: Basil Blackwell, 1984.
- Goffman E.* Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Harmondsworth, 1961.
- Keller S.* Beyond the Ruling Class. N.Y.: Random House, 1969.
- Lasswell H.D., Lerner D., Rothwell C.E.* The Comparative Studies of Elites (An Introduction & Bibliography) Stanford Univ. Press, 1952.
- Meisel J.H.* The Myth of the Ruling Class. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958.
- Riesman D.* The Lonely Crowd. N.Y.: Doubleday Anchor Edition, 1953.
- Pareto V.* The Rise and Fall of the Elites. An Application of Theoretical Sociology. The Bedminster Press, 1968.

Современные концепции политической элиты и российская практика

Parsons T. Power and the Social System // Power / Ed. by S. Lukes. Oxford: Blackwell, 1986.

Putnam R. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976.

Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: Mohr, 1976.

Weber M. Economy and society: An Outline of Interpretive Sociology (2 vols). Berkeley: Univ. of California Press, 1978.

Willerton J.P. Patronage and Politics in the USSR. Cambridge, N. Y, Sydney: Cambridge University Press, 1992.

Wittfogel K. Oriental Despotism. New Haven: Yale University Press, 1963.